

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УРОВНЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Трансляция новых научных результатов и их внедрение в содержание типовых и учебных программ способствует развитию теоретической лингводидактики и позволяет набирать ресурсы, необходимые для продвижения учебной дисциплины практического, прикладного направления в специализированную отрасль знания.

Под лингвистическим обеспечением учебной дисциплины понимается 1) текстовый, лингводидактический материал и способы его обработки; 2) теоретическая реконструкция проблемного поля языковых уровней и 3) верификация методологических подходов к анализу языковых фактов. При изучении иностранных языков возникают ситуации, требующие *типологического* решения: сравнение образцов двух (и более) языковых систем и усвоение нового образца. В условиях учебного диалога модели иностранного языка могут восприниматься на фоне сравнения с моделями родного языка (фонетические реализации, словообразовательные модели, лексическая семантика, грамматические показатели, субъектно-предикатные структуры).

На фонетическом уровне демонстрируется уподобление китайского «огубленного» звука *wo* [yo] белорусскому [ў], например: 我知道 *Wǒzhīdào*. – Я знаю это. Под влиянием родной орфоэпии китайцы вместо русских звуков [л], [в] и начального [о] произносят [ў], в соответствии с белорусской позиционной нормой, в словах *пони*[ў] – *попил*, *пое*[ў] – *поел*, *поспа*[ў] – *поспал*, *па*[ў]*ка* – *палка*, [ў]*ы* – *вы*, [ў]*озле* [ў]*зера* – *возле озера*, [ў]*о*[ў]*ка* – *Вовка* и под. Совпадение с белорусской орфоэпией фиксируется также при произнесении мягкого звука [ц'], отсутствующего в русском языке. Для представителей Ближнего Востока характерно произнесение русских заднеязычных звуков [г], [к], [х] как белорусского протяжного фрикативного звука [г] = [ʁ] в словах типа *снег*, *город*, *где* или [кх] в словах типа *как*, *хлеб*, *хочу* под влиянием исконного придыхательного звука [h] и гортанной смычки [j], прикрывающей в индоевропейских и семитских языках начальные гласные (например, русское слово *арбуз* иранские студенты произносят по-белорусски *гарбуз*, под влиянием родного произношения *خریزه* [*harbuz*] – дыня).

На лексическом и словообразовательном уровнях актуальны номинативные соответствия аналитической и синтетической структуры. В китайской аудитории предъявляется семантико-синтаксическая рекомбинация (свертка и развертка бинарных структур): 1) на уровне субъектно-предикатной структуры SP – SPO₄ двусоставная модель русского предложения трансформируется в ядерную трехсоставную цепочку общего вида *Я работаю* – *Я делаю работу*; *Я говорю* – *Я говорю слова*; *Я ем* – *Я ему еду*; *Я танцую* – *Я*

танцую танец; Я рисую – Я рисую рисунок и под.; 2) на уровне аффиксальных образований: *международник – специалист в области международных отношений; экономист – специалист в области экономических отношений; запеть, заговорить, затанцевать – начать (петь, говорить, танцевать)*. Значимые для носителей русского языка части слова (аффиксы) «бессмысленны» для носителей неморфологических языков, поэтому каждый аффикс в слове вербализуется и предьявляется в явном виде.

Разные по форме, но тождественные по смыслу конструкции помогают студентам-инофонам лучше понимать правила русской грамматики. Преобразование причастий и причастных оборотов в сложноатрибутивные и / или глагольные конструкции (на основе буквального переводного контекста) актуализируется именно в китайской аудитории. Типичные примеры трансформации: *Студенты горячо встречали гостей, приехавших из Африки. Студенты горячо встречали гостей (которые), гости приехали из Африки (которые) → Студенты, встречавшие гостей, которые приехали из Африки ≈ Студенты встречали гостей, приехавших из Африки ≈ Студенты, которые встречали из Африки гостей (которые приехали) и др.* Комплекс упражнений, разработанный на основе переводческих соответствий, позволяет китайским студентам освоить системность русских причастий и реализовать ее в конкретном фрагменте знания.

Для решения историко-этимологических задач на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях используются результаты семантической типологии. Например, китайский иероглиф 好 *hao* включает два семантических примитива: *женщина и ребенок*. Из этого следует, что для древних китайцев «хорошо» – это когда [дома есть] *женщина и ребенок*. Древняя картина мира – физическая картина, основанная на чувственном восприятии объектов окружающего мира (всеми органами чувств, включая сердце; сравним кит. 感 *gǎn* чувство / чувствовать, где 咸 *xián* соленый и 心 *xīn* сердце). В белорусском языке лексемы *чуяць, пачуць, адчуваць* имеют дополнительные компоненты в семантике, соотносительные с китайской языковой картиной мира, – *чувствовать (слышать) сердцем*, подобно в русском языке *слышать запах* соотносительно с белорусским *адчуваць пах*. В связи с явлением множественной семантической интерпретации и феноменом «неопределеннозначности» каждого языкового знака (В. В. Мартынов) (например, этимологически темных слов *невеста, человек* или метафоризированных терминов *притяжение, свет, тепло* и под.) выдвигается идея о необходимости включения историко-этимологического контекста языковых знаков в состав лингвистического обеспечения учебной дисциплины.

Методологический аппарат современной лингвистической компаративистики может быть успешно применен при изучении иностранных языков. Установить родство не только внутри

одной языковой семьи, но и между языковыми семьями стало возможно благодаря ностратической теории В. М. Иллича-Свитыча, реконструировавшего в праностратическом языке праформы *****KelNä** ‘язык’ и *****wetä** ‘вышедший’ / *****wete** ‘вода’ (более поздние образования: *водить, проводить, привести*) (в эпиграфе к «Опыту сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь». В 3 т. М., 1971. Т. 1). Предполагаем, что бинарное образование *****KelNä** совмещало семантику «говорящий язык» // «говорящий на языке». Если **вѣкъ**, где **вѣ** < *(w)uo / *(w)ue (**wetä** ‘вышедший’ / **wete** ‘вода’) – «вышедший из воды», тогда **ЧЕЛОВЕК** – «существо, вышедшее из воды, говорящее на языке». Возможно, «новый», «первый» человек при сопоставлении с персидским آدم [adam] и турецким (adam) соответствием. Версия о сближении семантики «человек» с «челядь», «толпа» (М. Фасмер) не подтверждается из-за отсутствия полного семантического тождества в грамматической парадигме числа: ЧЕЛОВЕК ≠ ЛЮДИ, где *люди* – форма множественного числа от ЛЮДЬ, ЛЮДИН (сохранилось в *нелюдь, простолудин*). Следовательно, ЛЮДИ = МНОГО ЛЮДИНОВ, ЛЮДЕЙ, но не МНОГО ЧЕЛОВЕК. Русская лексема **человек** обозначает исключительный объект, единственный и неповторимый в своем роде (на Земле нет одинаковых объектов «человек»).

На фоне общепринятых, устоявшихся и традиционных подходов к изучению языка и культуры акцентируется внимание на новых, альтернативных методах исследования ранее установленных объектов. На конкретных языковых примерах демонстрируется возможность проведения сопоставительных исследований в области преподавания русского языка как иностранного.

Т. В. Рубаник (Минск, Беларусь)

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ТЕКСТАМИ-ОПИСАНИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЙ ПРИРОДЫ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА)

Иностранные студенты-филологи на продвинутом этапе обучения должны уметь понимать и продуцировать тексты разных типов речи. Нами была поставлена цель – обеспечить усвоение обучаемыми сведений о типологии текстов (конкретно – особенностях текста-описания) в процессе работы над художественными произведениями русской литературы. Для этого следовало решить ряд методических задач: 1) продумать методы работы, позволяющие понять студентам-инофонам специфику художественного описания; 2) отобрать методические приемы, обеспечивающие усвоение структуры и лексических средств текста-описания; 3) разработать задания, выполнение которых обеспечит правильное